

Размышления над новой книгой

© 2000 г.

А.И. ЗИМИН

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

(к вопросу об истоках русского
социально-правового сознания и методологии
социального познания)

ЗИМИН Александр Иванович - кандидат философских наук, доцент Литературного института им. А.М. Горького.

Русским Христианским гуманитарным институтом в серии "Русская социология XX века" подготовлена и издана "Философия и социология права", в которую вошли три наиболее значительные работы мыслителя и ученого Богдана Александровича Кистяковского (1868-1920 гг.). Он известен отечественному читателю, прежде всего, как один из авторов знаменитых "Вех". Современная российская читательская аудитория получила реальную возможность познакомиться и с другими, не менее интересными трудами Кистяковского. И хотя период его творческого становления и расцвета отстоит от наших дней почти на целое столетие, настоящую публикацию этих трудов с полным правом можно считать одним из заметных событий в нынешней отечественной философии, социологии и праве. Она выглядит особенно актуальной в свете того, что волею судеб Кистяковский оказался у истоков русского социально-правового сознания и методологии социального познания, глубокого понимания сущности которых так не хватает российским "реформаторам".

Безусловно, на особенности философского и научного мировоззрения Кистяковского оказали большое влияние условия его жизни, образования и деятельности. Родился он на Украине, учился в Киеве, Дерпте, Страсбурге и Берлине, принимал участие в революционно-освободительном движении, сидел в тюрьме в Австрии по подозрению в панславизме, в России - за симпатии к революционерам. В начале 90-х годов XX в. он был одним из учеников, сторонников марксизма, другом и сотрудником П.Б. Струве.

Наряду с теоретическим марксизмом Кистяковский испытал на себе весьма сильное влияние неокантианства, идей Виндельбанда и Зиммеля. Итогом его первоначального философско-научного становления явилась работа над диссертацией "Общество и индивид" - трудом по методологии социальной науки. В этой ранней, но теоретически вполне зрелой работе Кистяковский предпринял попытку критического анализа старых понятий органического и психологического толка, которые в середине и во второй половине XIX в. широко применялись для анализа социальных явлений. Он достаточно удачно смог показать пустоту таких понятий субъективной социологии, как "народная психология" и "народный дух", продемонстрировав умение владеть критическим методом. Вместе с тем в деле конструирования новых понятий, которые должны были бы прийти на смену старым, он далеко не продвинулся. Видимо, задача согласовать

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Русского Христианского института. 1998. 800 с. "Социальные науки и право" (1916), "Государственное право (общее и русское)" (1908), "Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России" (1912).

марксистский материализм с неокантианской методологией оказалась для молодого ученого трудно выполнимой.

Постепенно, к началу XX в. в мировоззрении Кистьяковского совершается постепенный отход от марксизма к так называемому научно-философскому идеализму и вместе с тем крепнет интерес к освободительному движению, которое начинает им осознаваться с либерально-демократических позиций. Основу этих позиций составляют правовые вопросы и правовые отношения. В результате в мировоззрении Кистьяковского намечается весьма своеобразный синтез передовых для того времени идей неокантианской методологии социальной науки, политических либерально-освободительных воцелений и научного осмысления правового фундамента их достижения. Все вместе это составило важную веху в развитии отечественной философии, социологии и правосознания и в обобщенном виде, как итог многолетней работы, было опубликовано в 1916 г. под названием "Социальные науки и право" - главного философско-научного труда Кистьяковского.

Анализируя это явление, на мой взгляд, следует особо подчеркнуть, что становление Кистьяковского как мыслителя, ученого и политического деятеля происходило в условиях активизации, с одной стороны, идей социального освобождения общества, индивида, личности вообще, а с другой стороны, усиления тенденций к национальному освобождению различных народов Европы и Российской Империи, включая и украинский народ, к которому органически принадлежал Кистьяковский. На рубеже веков националистические тенденции в украинском обществе усилились, чему в значительной степени способствовала волна национализма, прокатившаяся по Европе в последней трети XIX в. Причудливые формы принял национализм в Российской Империи на Украине, где европейские идеи общечеловеческого освобождения от диктатуры капитала, аристократии или олигархии переплелись с европейскими идеями национально-освободительной борьбы, подпитываемыми традиционными бытовыми чаяниями о "самостийной Украине".

Либерально-освободительные стремления в образованной части русского общества были столь сильны, что они находили выражение даже в названиях периодической печати того времени и социально-политических объединений. Так, Кистьяковский сотрудничал вместе со Струве по изданию популярного в кругах либерально-демократической интеллигенции журнала "Освобождение" (1902-1905 гг.), а в 1904-1905 гг. в Киеве входил вместе с В.В. Водовозовым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, Ю.Н. Вагнером, В.Я. Железновым и Н.П. Василенко в группу "Освобождение". Общетеоретические взгляды и политические симпатии их хорошо известны. Вместе с современными Кистьяковскому теоретиками освободительного движения западной ориентации он смотрел на так называемый украинский вопрос как на частность. Для него, усвоившего идеи западноевропейского либерализма, социальное освобождение, освобождение вообще доминировало над освобождением украинского народа в частности.

После Манифеста 17 октября 1905 г., который Кистьяковский принял как Конституцию, объектом его научных интересов становится конституционный строй в России. Это явление побудило ученого обратиться к осмыслению проблем государственного права, следствием чего стало написание и публикация ряда статей: "Конституции дарованные и завоеванные", "Кабинет министров и ответственность правительства", "Государственная Дума", "Как осуществить единое народное представительство?", "Областная автономия и ее пределы" и др. Даже по названиям этих статей можно судить, что Кистьяковского волновали вопросы социальной обоснованности правовых институтов, их необходимости для определения сущности и особенностей отношений между законодательной и исполнительной ветвями власти, полнота и эффективность народного представительства, взаимоотношения, как бы мы сейчас сказали, между центром и регионами. Все эти вопросы рассматривались Кистьяковским с позиций правовой идеологии.

Постепенно известность Кистьяковского растет. Он активно популяризирует свои

идеи: читает лекции на Высших женских курсах, на Юридических курсах Полторацкой, на летних курсах для учителей, участвует в общественной деятельности московских научных обществ - философского, юридического, общества славянской культуры. К этому времени относится его сотрудничество с М.О. Гершензоном по изданию журнала "Критическое обозрение" и знаменитого сборника "Вехи", для которого Кистяковский написал статью "В защиту права (Интеллигенция и правосознание)". Здесь он оценивает право как категорию относительную и в этом смысле игнорируемую русской интеллигенцией, которая "никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности", а стремилась "к более высоким и безотносительным идеалам и могла пренебречь на своем пути этою второстепенною ценностью" [Кистяковский Б.А, В защиту права. (Интеллигенция и правосознание). Вехи. М.: Новости. 1990. С. 101-102]. Будучи идеалистом, Кистяковский, однако, стремится "приземлить" идеализм русской интеллигенции, подвести под него научно-теоретическую основу. Он верит в науку, в духовную силу теоретического знания, даже социального рационализма. Поэтому для него право — "по преимуществу социальная система и притом единственная социально дисциплинирующая система" (там же). Правовые идеи тогда хороши, когда они разрабатываются не узким кругом ученых специалистов для узкого круга теоретических и практических целей, а широко воздействуют на общественное сознание, включая сюда, прежде всего, сознание интеллигенции.

Мысль Кистяковского движется в поле достаточно привычного для русского общества противопоставления России и Запада. С его точки зрения, по части общественного правосознания Россия отличается от других цивилизованных народов. "Пристутленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом нашего застарелого зла - отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа", - утверждает философ, социолог и правовед (там же - с. 106).

Интересно, что Кистяковский в духе методологии и мировоззрения неокантианства вполне осознает отличие особенностей русской культуры от культуры европейской. Вместе с тем, он в духе русского западничества оценивает европейский путь общественного, научного, культурного и духовного развития в качестве универсального. К этому его в равной степени побуждали как марксизм, так и неокантианство, между которыми с точки зрения методологии науки он не видел существенного различия: марксизм и неокантианский научно-философский идеализм равно апеллировали к *научно-теоретическим* аргументам.

В трудах Кистяковского научно-философский идеализм получает довольно специфическую интерпретацию и становится главной методологической основой его научных исследований. Специфика эта проявляется в том, что, во-первых, он пытается представить современный ему идеализм как целостное течение, одновременно общественное, научное и философское (см. с. 117). Во-вторых, в духе современного ему этического социализма, но без упоминания данного термина, он полагает, что ядром этого идеализма является этическая проблема, или *"факт оценки, т.е. суждения об истине и лжи, добре и зле, прекрасном и безобразном, и все вытекающие из этого факта последствия"* (с. 119). Далее, различая, вслед за неокантианцами, науки о природе, как науки, стремящиеся к выявлению законов, в основе которых лежит необходимость, и науки о духе (или культуре), ориентированные на "особые законы оценки, законы человеческие, или нормы", Кистяковский приходит к идее *автономии* человека по отношению к природе, что, в свою очередь, "указывает на свободу человека вообще и человеческой личности в особенности" (там же).

В основе своей понятие автономии указывает у Кистяковского на сущностное отличие человеческого от природного, на то, что Ф. Энгельс назвал социальной формой бытия материи. Однако Кистяковский объявил уже себя сторонником научно-философского идеализма. А потому у него сущность человеческого определяется не особой формой его материального бытия, а чем-то иным: если следовать логике рассуждений неокантианцев, то культурой, понимаемой как принципиально духовное

явление. А потому у Кистьяковского уже *"из факта самостоятельной оценки и автономии следует принцип самоценности человеческой личности и равноценности личностей между собой"* (там же).

Основываясь на автономии и свободе, человек создает себе *идеалы* и требует их осуществления в действительности. В природе нет свободы. В ней царит необходимость. В природе нет и справедливости - это сугубо человеческая категория, и она вытекает из автономии человека по отношению к природе и из его свободы создавать себе идеалы, одним из важнейших среди которых является справедливость.

Отсюда научно-философский идеализм есть осознание и признание за человеком *свободы и права* создавать себе идеалы и требовать их осуществления в действительности. Тем самым научная философия ограничивает метафизику, в том числе и диалектико-материалистическую, но зато открывает весьма широкие области для собственно научного исследования в этической, эстетической, социальной и правовой сферах.

Особое место в методологии Кистьяковского занимает проблема логического долженствования. Дело в том, что логическое долженствование имеет место и в естественных науках, и в науках гуманитарных. Это происходит потому, что *"нормы или категории присущи нашему мышлению как обязательные для него формы, значение и ценность которых уясняются в процессе создания самой науки"* (с. 140). Тем самым логическое долженствование проникает в естественные науки, а в гуманитарных науках, включая социальные, оно принимает форму специфических законов, т.е. обуславливает получение, пользуясь неокантианской терминологией, генерализованного знания. Таким образом, Кистьяковский преодолевает сложную для неокантианства проблему методологического обоснования правомерности выявления общих закономерностей в гуманитарной сфере и закладывает методологические основы для нормального научного развития общественных наук.

Свою конкретизацию эти разработки получают в разделах его главного труда *"Социальные науки и право"*, специфика которого состоит в том, что в нем в обобщенном виде, как итог многолетней работы, публикуются материалы и результаты философских социологических и правовых исследований. В них мы находим определение *права* как государственно-организационного, социального, психологического и нормативного явления (с. 191), *государства* как правовой организации народа, обладающей во всей полноте своей собственностью, самостоятельностью и первичностью (с. 243), *культуры* как духовного явления, в становлении и формировании которого проявляется всестороннее дисциплинирующее воздействие права, являющегося продуктом творческой деятельности человеческого сознания (с. 360).

Таким образом, научно-философский идеализм, понятый как методология, приводит Кистьяковского к идее этической обоснованности права, которое, в свою очередь, обуславливает возможность как государственной, так и собственно культурной деятельности. Тем самым он невольно становится апологетом идеи культурной сущности человека, человеческого бытия, а также культурной детерминированности социальной сферы. Однако для самого Кистьяковского эта идея оказывается как бы вторичным продуктом его теоретической деятельности, оставаясь ее потенциальным капиталом, ни самим автором, ни ближайшим научно-философским окружением не востребованной.

Уже факт появления такой идеи весьма симптоматичен. Он включает Кистьяковского в тот ряд теоретиков - русских и европейских (Н.Я. Данилевский, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, позже О. Шпенглер), которые в своих духовно-научных исканиях постепенно двигались к идее культурной детерминированности и экспликативности культурой социальной сферы. Похоже, на этом сходство заканчивается. Далее начинаются различия. Кистьяковский, безусловно, европоцентрист, переносящий принципы европейского мировоззрения на все прочие народы и культуры. Его научная и практическая цель - реализовать европейское понимание права в юридической практике и правосознании неевропейских народов и культур. Дело в том, что европейская

культура одна, а европейских государств много, а потому есть культурные основания для правового регулирования внешнеполитических отношений между различными государствами. Отсюда возможность международного права.

В России ситуация другая. Кистяковский понимает это и пытается выразить через противопоставление (дифференциацию) государственного права *общего* и *русского*. Этой проблеме посвящена вторая работа, вошедшая в состав данного сборника. Работа "Государство и право (общее и русское)" представляет собой курс лекций, читавшихся Б.А. Кистяковским в Московском коммерческом институте в 1908-1909 гг., который в то время возглавлял его друг П.И. Новгородцев. В свое время эта работа была напечатана на правах рукописи и практически оставалась неизвестной даже дореволюционному читателю. Однако идеи этой работы усваивались студентами и слушателями Кистяковского, т.е. теми, кому предстояло строить и совершенствовать российскую правовую систему, если бы этому не помешали трагические события 1917 г. В наши дни эта работа в своем полномочном научно-образовательном виде издается по сути впервые, что является большой заслугой составителей сборника.

Из содержания работы становится понятным, что Кистяковский знал, признавал и описывал различные типы государства, известные европейской науке. Однако главным предметом курса его лекций было современное ему *правовое и конституционное государство*. При этом Кистяковский в духе естественного для него европоцентризма руководствовался идеей, что "правовое государство есть высшая форма государства, которую до сих пор выработало человечество как реальный факт" (с. 418). В современном государстве власть утрачивает свой первоначально насильственный характер и приобретает характер правовой. Право рассматривается им как *финальная причина* государства.

Все это означает, что исторически реальные государства могли возникать и действительно возникали не как результат права, а в силу социально-экономических причин (например, войн, революций, национально-освободительных движений и т.д.). Здесь Кистяковский вполне солидарен с марксистскими взглядами на генезис государства. Однако для него важно и то, что право, возникающее в недрах государственных формирований, способствует государственному строительству, являясь одновременно целью и в этом смысле "формальной причиной" государства. Раз возникнув, право становится реальной силой организации государственной - политической, социальной, экономической и даже культурной жизни. Таким образом, Кистяковский полагает право господствующей силой современного государства.

Основной принцип этого правового, или конституционного, государства он усматривал в том, что власть в нем ограничена правами личности, которая является "основным элементом всякого общественного и государственного единения" (с. 419). За личностью признаются *свобода* совести, слова, общения (союзов), передвижения и *неприкосновенность* личности, переписки и жилища. Нарушение права личности преследуется и наказывается по суду в строго определенной форме. Государственная власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную и строго подзаконна. Помимо этого в правовом государстве действуют представительные органы власти, что делает власть в основе своей выборной и подотчетной.

Интересно методологическое рассуждение Кистяковского о правовом государстве *вообще*. С его точки зрения, такого государства не существует, "есть только отдельные индивидуальные государства, как Англия, Франция, Бельгия, Швейцария и Германия и т.д. Каждое из них имеет своеобразные черты и отличается от других вполне самостоятельной физиономией" (с. 431-432). Черты общности постигаются на основе применения сравнительного метода.

Однако при изучении России с ее очень молодой в начале XX в. правовой системой Кистяковский предлагает идти все же от общего понимания правового государства к частному, т.е. пользоваться общими понятиями, полученными при изучении более устоявшихся конституционных государств. Отсюда становится понятным проведенное в лекциях деление на общее государственное право и на государственное право

российское. Опыт исторически продвинутых правовых государств служит Кистяковскому основой постижения особенностей правовой системы России.

Общие и характерные признаки правового государства он пытается выявить через его противопоставление государству абсолютно монархическому. Через абсолютизм прошло большинство государств Западной Европы. Абсолютизм был естественным результатом исторического развития государственности. Однако Кистяковский определяет абсолютно-монархическую власть как "нечто совершенно чуждое народу, только господствующее, распоряжающееся и управляющее" (с. 420). Это, по его терминологии, полицейское государство, которое со временем внутренними причинами побуждается к изменению своей сущности с абсолютистской на правовую. Подчеркивая прогрессивный характер правового государства и реакционный абсолютистского, полицейского государства, он пытается теоретически найти место России в "общем" процессе мирового социально-политического и правового "прогресса". Однако такое решение само по себе ставит серьезную методологическую проблему: так ли уж необходимо и неизбежно Россия должна повторять путь западноевропейского социально-политического и мировоззренческого развития, тем более, что даже ее абсолютизм был весьма специфическим, сугубо российским?

Кистяковский таких сомнений не знает. В духе европоцентризма Россия и ее государственность рассматриваются им лишь с середины XVII в., когда, по его мнению, в ней развилась абсолютная монархическая власть в чистом виде. Первый безусловно абсолютный монарх-Петр Великий. Это вполне понятно, так как для Кистяковского с методологической точки зрения логика правовых отношений предпочтительнее их истории. Определенного рода синхронический срез правовых явлений позволяет ему сопоставить различные типы государств - правовых, к которым движется цивилизация, и неправовых, среди которых из наиболее известных европейской науке является прежде всего абсолютная монархия (в данном случае - русская).

Специфика русской абсолютной монархии состоит в том, что она в своей бесконтрольности породила бесконтрольную бюрократию. В результате "получилось неограниченное и бесконтрольное управление всей страной бюрократии" (с. 512). Русская бюрократия оказалась средостением (преградой) между царем и народом. Согласно Кистяковскому, это открытие сделали славянофилы, в чем он видит их заслугу перед наукой. Царская власть в России была формально неограниченной, но фактически бессильной. Это привело Россию к ряду военных поражений, продемонстрировавших слабость самодержавно-монархического управления страной. Поэтому, как следствие, "русские монархи были принуждены отказаться от неограниченного самодержавия и создать народное представительство, т.е. перейти к конституционным формам государственного устройства под влиянием внутреннего развития самого государства" (с. 513).

После 1905 г. строительство правового государства стало реальностью и для России, получившей Конституцию в форме Манифеста от 17 октября. С этого времени можно говорить о правах человека и гражданина в России. Содержание этой Конституции, ее законы вполне сопоставимы с конституционными законами других государств (см. с. 530). Цель российских реформ начала XX в. Кистяковский видит в развитии отечественного конституционного строя.

Третья из публикуемых в сборнике работ Кистяковского - "Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России" - является развернутым критическим анализом книги историка русского революционного движения В.Я. Богучарского "Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия "Народной Воли", ее происхождение, судьбы и гибель", изданной в Москве в 1912 г. Для своего времени книга В.Я. Богучарского была весьма актуальной. Между двумя революциями русская интеллигенция пыталась осмыслить особенности революционного движения и его вклад в дело преобразования страны на конституционно-демократических началах. При этом подчеркивается вклад именно революционеров в дело конституционных преобразований.

Для Кистьяковского - горячего сторонника правового конституционного государства, неплохо разбиравшегося в истории распространения конституционных идей и конституционных движений, преувеличение роли революционеров в этом процессе оказывается принципиально неприемлемым. Более того, в противоположность позиции В.Я. Богучарского, конституционное движение, возникшее среди "передовых элементов нашего общества" в конце 70-х-начале 80-х гг. XIX в., противопоставляется Кистьяковским революционному движению сторонников социализма, которые главным средством достижения своих целей сделали террор. В этой работе Кистьяковский выступает как принципиальный противник терроризма и сторонник правового пути конституционных преобразований. Нелегитимность террористической революционной борьбы для него очевидна и пагубна для развития правовых отношений.

С опорой на исторические факты и свидетельства участников эпохальных исторических событий Кистьяковский показывает, что Россия естественным образом двигалась по пути конституционно-правовых преобразований, предел которому был положен именно деятельностью террористов, вызвавшей в результате убийства Александра II политическую реакцию в стране. На пороге 80-х годов Россия стояла перед принятием конституции, проект которой с ведением и по поручению самодержавной власти разрабатывался тогдашним министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым. Террор революционеров прервал этот процесс и затормозил движение России в сторону правового государства. Однако конституционалисты отступили не сразу. Они продолжали ратовать за конституцию, обеспечивающую децентрализацию и самоуправление, а также предусматривающую федерализацию страны.

Кистьяковский показывает, что рупором конституционалистов была издававшаяся "Земским союзом" за рубежом газета "Вольное слово", много сделавшая для распространения конституционных идей в России. Это весьма интересный и мало известный даже профессиональным историкам факт. Из пятидесяти двух номеров этой газеты сохранилось только пять, но из них можно получить представление о ее задачах. Главная цель - преобразование России на началах политической свободы, т.е. неприкосновенности прав личных и национальных; самоуправления общественных групп (общин, волостей, уездов и вновь создаваемых областей); союза областей (федерализма) в целостное государство. Осуществить это предполагалось законным, правовым путем, не имеющим ничего общего с социализмом и терроризмом революционеров. Страна вернулась на этот путь только в 1905 г. И в массовом сознании он был связан с развертыванием революционной борьбы, что, как полагал Кистьяковский, не соответствовало действительности.

Конечно, вряд ли следует безоговорочно принимать позицию Кистьяковского по данному вопросу. Она нуждается в критической проработке, проверке фактического материала, которым руководствовался автор. Но это, безусловно, интересный, заслуживающий внимания материал, который может позволить аргументированно сместить научные акценты при изучении исторических преобразований в России конца XIX - начала XX вв. с революционного движения на движение прогрессистское, либерально-просветительское, учитывающее как исторические особенности, традиции и социально-политические реалии русской культурно-исторической системы, так и ее взаимодействия, включая ассимиляцию цивилизационных ценностей других (прежде всего европейской) культурно-исторических систем.

Даже краткое знакомство с трудами Б.А. Кистьяковского открывает не только ранее почти не известные факты и материалы по истории философии, социологии и права в России, но и дают богатую пищу для размышлений о причудливых путях русской социально-политической и культурно-исторической жизни. Безусловно, эта публикация, сопровождаемая весьма интересными и содержательными статьями таких исследователей научной биографии и творчества Б.А. Кистьяковского, как Н.П. Василенко и Ю.Н. Давыдов, а также богатым справочным инструментарием, подготовленным В.В. Саповым, будет с благодарностью воспринята читателем.